

УДК 323(470+571):316.647.5
ББК 66.3(2Рос),5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ¹

В.И. Мажников

В настоящее время такое событие Великой Отечественной войны, как Сталинградская битва, являясь важнейшей частью исторической памяти нашего народа, должно стать одним из главных факторов формирования отношений толерантности между народами и нациями. Объективная и беспристрастная расстановка акцентов в толковании этого исторического события будет способствовать, на наш взгляд, рациональному, дружественному сосуществованию народов. В ситуации же манипуляции исторической памятью в политических целях неизбежно будет появляться настороженность, предубеждение в межнациональных отношениях, которые приведут к нагнетанию межнациональной напряженности и конфликтам.

Ключевые слова: историческая память, межнациональная толерантность, толерантность, этническая идентичность, Сталинградская битва.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

В последнее время понятие «историческая память» стало одним из самых востребованных не только в гуманитарных науках, но и в публицистике, программах политических партий, выступлениях политических лидеров

и т. д. Его актуализация на нынешнем этапе развития российского общества, на наш взгляд, обусловливается, главным образом, потребностью государства и ее властвующей политической элиты в активизации воздействия на массовое общественное сознание. Апелляция власти к исторической памяти во все времена служила важным легитимационным фактором укрепления реально функционирующих социальных и политических институтов. В зависимости от типа политического режима выделяются определенные блоки исторической памяти, необходимые для формирования конкретной идеологической модели.

Более того, интенсификация обращений к историческому прошлому со стороны государства и элиты происходит тогда, когда в об-

шестве получают распространение различного рода имитационные практики, которые, в свою очередь, являются факторами, ведущими к стагнации общества. Чем больше общество втягивается в состояние застоя, тем интенсивнее происходит распространение имитационных практик в разных сферах общества. В этом случае обращение к историческому прошлому выступает в качестве замещения настоящего и будущего. При отсутствии функционального позитива в настоящем в качестве субъектов имитации предлагаются «паттерны коллективного прошлого» [7].

Подъемы и спады интереса к проблематике исторической памяти со стороны государства помогает понять одну из существенных особенностей этого феномена. Она заключается в том, что память как сложная форма психической деятельности является социальной по своему происхождению. Впервые на социальную обусловленность человеческой памяти обратил внимание в 20-х гг. XX в. выдающийся отечественный психолог Л.С. Выготский. В «Этюдах по истории поведения» он вместе с другим известным психологом А.Р. Лурия отмечал, что функции памяти базируются на взаимоотношении естественных, заложенных от природы, и культурных, приобретенных в процессе социального опыта, форм деятельности психики. «Именно здесь мы видели, как развитие оказалось не простым созреванием, а культурными метаморфозами, культурным перевооружением. И если бы мы теперь хотели рассмотреть память взрослого культурного человека, то должны были брать ее не такой, какой создала ее природа, а такой, какой ее создала культура» [1, с. 79].

Подчеркивая влияние социальной среды на формирование памяти, известный российский психолог А.Н. Леонтьев писал: «...память современного человека вовсе не представляет собой элементарного, чисто биологического свойства, но является чрезвычайно сложным продуктом длительного исторического развития... В результате своеобразного процесса их “взрачивания” прежде внешние стимулы-средства оказываются способными превращаться в средства внутренние, наличие которых и представляет специфическую черту так называемой логической памяти» [4, с. 436].

Безусловно, историческая память, наряду, например, с культурной памятью, имеет социально обусловленный характер, несет в себе социальное содержание. В этой связи она может пониматься не только как особого рода коллективная память, но и как социальная память, в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества [5, с. 42]. Из этого следует, что историческая память – это определенное состояние сознания, которое отражает значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим. Память сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. Воспоминания о прошлом, прошедших событиях, как было установлено современными психологами, воспроизводятся через призму настоящего. Можно предположить, что по мере удаления во времени того или иного исторического события память меняется, может становиться менее достоверной, но более отвечать потребностям настоящего времени.

Историческая память поэтому не только актуализирована, но и избирательна. Она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. «Актуализация и избирательность, в первую очередь, связаны со значимостью исторического события для современности, для происходящих в настоящее время социальных процессов» [6].

Не менее важным качеством, на наш взгляд, исторической памяти как социально обусловленного феномена является то, что она способствует конституированию и интеграции социальных групп в обществе в настоящем, выполняет необходимую функцию самоидентификации как индивида, так и всего общества в целом [2, с. 23–24]. Учитывая сохраняющуюся потребность в современном российском обществе в ответе на вопрос «Кто мы?», идентификационная функция исторической памяти является чрезвычайно востребованной и значимой. Во многом растущий интерес к прошлому в современном российском обществе обуславливается стремлением определить свое место по отношению к опыту бывших поколений. Таким образом, историческая память является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства

прошлого опыта народа, государства для социальной идентификации индивида, социальной группы и общества в целом.

Коль скоро за исторической памятью закрепляются определенные социальные функции, возникает соблазн манипуляции, инсценирования памяти в определенных политических целях. Манипуляции со спецхраном, означавшие произвольное, исходя из политической конъюнктуры, разрешение или запрет на пользование определенной литературой, историческими первоисточниками и т. д., использование коллективных мероприятий к юбилеям, – все эти события во многом указывают на то, что историческая память общества существует в регулируемом политическом пространстве. Крайне негативным результатом такого регулирования может стать сформировавшийся эффект отчуждения от исторического прошлого. Когда доминирующую позицию занимает политизированная версия истории, инструментально относящаяся к памяти и приспособляющая иные аспекты и исторические версии к злобе дня, это, в конечном счете, приводит к омертвлению переживаний исторического прошлого.

Это стремление к манипулированию особенно заметно в отношении исторической памяти о Великой Отечественной войне. Во многом это объясняется самой значимостью этого события, повлиявшего не только на будущее развитие нашей страны, но и всего остального цивилизованного мира, огромным масштабом людских потерь, затронувших практически каждую советскую семью. Кроме того, эта война выступает одним из немногих событий в российской истории, которое активно присутствует в коллективной памяти и имеет однозначно позитивную оценку. Характерно, что с течением времени число респондентов, которые оценивают 9 мая как «народный праздник для граждан России и других стран бывшего СССР», только увеличивается (апрель 2005 г. – 27 %, март 2010 г. – 31 %) [3].

Понятно, каким мощным ресурсом влияния является историческая память о войне и как огромен соблазн использовать его в политических целях. Уже сразу же после окончания Великой Отечественной войны подходы к ее изучению стали меняться под влия-

нием политической конъюнктуры, и сама память стала использоваться различными политическими силами в определенных целях.

В советский период победа в войне рассматривалась как торжество советского строя, ленинской идеологии. Главная заслуга в ее достижении закреплялась за коммунистической партией и её руководителями, прежде всего И. Сталиным. Над историческими исследованиями о Второй мировой войне сохранялся строгий идеологический контроль и цензура.

В постсоветский период с отменой идеологических ограничений появилось большое количество «разоблачительных» публикаций, в которых был представлен другой взгляд на историю Великой Отечественной войны. Но появление новых материалов и источников о войне не привело к формированию единства во взглядах на это важнейшее историческое событие. Одна часть общества выступала за обращение к «белым пятнам» военной истории, другая решительно требовала прекратить ее «очернение». В настоящее время победа в Великой Отечественной войне по-прежнему остается полем идеологических разногласий, политических спекуляций и т. д.

Использование исторической памяти о войне как ресурса политического влияния в той или иной форме характерно для всех стран, принимавших в ней участие. Прежде всего, это находит свое выражение в своеобразной «героизации» действий своих руководителей, военачальников, простых граждан, мемориализации собственных ужасов войны. К примеру, в Англии и США основными событиями Второй мировой войны считаются не сражения на Восточном фронте, а военные действия в Северной Африке и на Тихом океане. Долгое время считалось, что большинство жителей Франции и Италии участвовало в движении Сопротивления, а на службе новому порядку была лишь «горстка» предателей. Такие представления во многом обуславливаются стремлением создания «своей» национальной версии прошедшей войны. Невозможно, или по крайней мере затруднительно, поддерживать толерантные отношения между народами, если сознательно умаляется роль одних и преувеличивается роль других наций в таком исключительно важном для всех народов историческом событии, как Вторая мировая война.

Эти тенденции получили свое дополнительное развитие в независимых республиках после распада СССР. Стремление к обретению собственной национально-государственной идентичности привело к появлению своих национальных героев, которые в годы войны, в той или иной форме, сотрудничали с нацистами. Так, на Украине после обретения ею независимости началось массовое возведение памятников воинам Украинской повстанческой армии и лидерам националистического движения, прежде всего Степану Бандере. Логическим завершением этого процесса канонизации стал указ Виктора Ющенко о присуждении Степану Бандере звания «Герой Украины», изданный после первого тура президентских выборов в 2010 году. В Риге, Таллинне, Вильнюсе, Тбилиси стали создаваться музеи «советской оккупации», одновременно сопровождающиеся сносом прежних памятников, внесением соответствующих изменений в учебники истории, закрепляющие новую историческую «правду». Иными словами, историческая память о Великой Отечественной войне становится реальной основой для роста напряженности, раскола в отношениях между постсоветскими государствами, часть населения которых воспринимается как «оккупанты», а другая часть – как «оккупированные».

Горячие дискуссии вызывает в последние годы военная проблематика и в современном российском обществе. Попытки подсчитать, какой народ внес больший вклад в Победу или более других пострадал от преступлений сталинизма, объясняются, прежде всего, определенными этническими комплексами, своеобразными «болезнями роста» национального самосознания, стремлением отдельных групп закрепить «свое» право на прошлое. Приведенные выше примеры, показывающие неоднозначное, а порой провоцирующее на конфликты отношение к исторической памяти о прошедшей Великой Отечественной войне, в полной мере могут относиться и к оценке ее важнейших событий, каковой, безусловно, является Сталинградская битва.

Как известно, основной смысл толерантности – это терпимость к «чуждому», «иному». Это качество присуще как отдельной личности, так и конкретному коллективу, той или иной социальной группе, обществу в целом. Толеран-

тность формируется на основе признания единства и многообразия человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, уважения прав другого (в том числе права быть другим), а также воздержания от причинения вреда. Толерантность – не обязательная покорность мнению, взглядам и действиям других, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, религиозной и социальной ориентации.

В межнациональных отношениях политика толерантности должна быть построена на принципе терпимости. Она не несет оттенка самоощемления, а заключает в себе уважение или признание равенства других наций и отказ от доминирования и насилия, то есть предполагает в отношениях между этносами обоюдное позитивное взаимодействие на конструктивной основе. Межнациональная толерантность – это терпимость, которая по своему содержанию в современных обстоятельствах скорее должна быть изначальной основой взаимопонимания, солидарности, а не проявлением терпения и страдания.

Межнациональная толерантность проявляется в поступках, но формируется в сфере сознания и тесно связана с этнической идентичностью. Как доказано многими эмпирическими исследованиями, именно сформировавшаяся *позитивная* этническая идентичность может дать основание для уважения других этнических групп и выражения готовности обмена идеями, установками или для участия в совместной деятельности. Позитивная этническая идентичность – это своего рода баланс толерантности по отношению к собственной (автостереотип) и другим (гетеростереотипы) этническим группам. Она включает безусловное признание ценности собственного народа, предпочтение своей культуры и толерантность по отношению к другим. Следовательно, формирование уважительного отношения к исторической памяти своего народа способствует формированию позитивной этнической идентичности, которая, в свою очередь, становится основой укрепления межнациональной толерантности.

Межнациональная толерантность складывается из трех основных блоков элементов:

общественно-государственного (устранения детерминант межэтнической интолерантности и поддержки развития межэтнической толерантности на уровне социально-политических институтов, оказывающих значимое влияние на формирование общественного мнения и формирующих ценностно-нормативные основы поведения индивида); группового (закрепления в общественном мнении норм устойчивости к этническим различиям); индивидуального (усвоения на индивидуальном уровне норм устойчивости к этническим различиям).

При этом, по результатам ряда исследований, среди наиболее значимых институтов для развития межнациональной толерантности как на индивидуальном, так и групповом уровнях является, наряду с развитием и функционированием институтов гражданского общества, формирование исторической памяти у молодежи разных возрастных когорт.

На индивидуальном уровне развитие толерантности происходит в рамках институтов социализации посредством воспитания, занятий, направленных на развитие толерантности (в том числе развитие межкультурной компетентности, выполнение кросс-культурной проектной деятельности, выработка устойчивости к различиям).

На групповом уровне формирование межнациональной толерантности происходит в соответствии с механизмами функционирования общественного мнения, согласно которым закрепление норм, ценностей и установок межнациональной толерантности происходит, в первую очередь, под воздействием наиболее активного сегмента субъекта общественного мнения.

Таким образом, основой для закрепления на групповом уровне идей межнациональной толерантности является, в первую очередь, их закрепление на индивидуальном уровне (с помощью вышеописанных методов), у индивидов, для которых проблема межэтнических взаимодействий является значимой и которые активно выражают свою позицию, формируя мнение других. При этом все элементы, слагающие совокупность социально-психологических условий, находятся в тесной взаимосвязи, и механизм формирования межэтнической толерантности носит замкнутый, циклический характер.

Вместе с тем вряд ли сегодня можно говорить о каких-либо единых границах, пределах толерантности, поскольку она проявляется в конкретных историко-культурных и политических ситуациях, причем в одной социокультурной среде приемлемым может быть то, что в иных условиях становится неприемлемым. Многое здесь зависит также от лиц, контактирующих в той или иной ситуации.

Как известно, Сталинградская битва занимает особое место в исторической памяти народа о Великой Отечественной войне. Победа под Сталинградом имела для нашей страны огромное международное и военнополитическое значение. Она наметила коренной перелом в ходе Второй мировой войны. После Сталинграда наступил период изгнания немецких оккупантов с территории СССР. Во время Сталинградской битвы в одном строю сражались представители различных национальностей и этносов. Во многом благодаря этому единству народов и национальностей была одержана важнейшая в истории Второй мировой войны победа. Поэтому события, связанные со Сталинградской битвой, становятся весьма весомым фактором как общественного сознания в целом, так и исторической памяти, вовлекая в явную, а иногда и скрытую дискуссию представителей других народов и наций. Особенно это актуально для современной Волгоградской области, поскольку из более 180 этносов, проживающих в нашей стране, на территории региона сегодня проживают граждане более 130 наций и народностей. Поэтому правильная расстановка акцентов в толковании этого исторического события Второй мировой войны способствует, в первую очередь, толерантному, дружественному сосуществованию народов.

2 февраля 2013 г. вся страна отметила 70-летие разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве. В ходе подготовки праздничных мероприятий рассматривалось предложение о приглашении на празднование юбилея ветеранов Вермахта. Но готовы ли наши граждане к сотрудничеству и взаимодействию со страной, отрицательный образ которой укоренился в историчес-

кой памяти советского народа после Второй мировой войны? Сохраняется ли в общественном сознании культурно-историческая дистанция между немцами и русскими? Ответы на эти вопросы требуют тщательного исследования и анализа. В частности, до сих пор до конца не исследованы вопросы, связанные как с освещением боевых действий германских Вооруженных сил, так и раскрытием основных направлений политики военных властей противника на временно оккупированной территории, где разворачивалось Сталинградское сражение. Только на основе соблюдения принципов историзма, научной объективности возможно выстраивание толерантности в межнациональных отношениях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, проект «Инновационные ресурсы и модели политико-правовой ресоциализации представителей молодежных когорт, склонных к проявлению ксенофобии и национализма, экстремистских форм поведения в условиях модернизации современной России» (Соглашение № 14.В37.21.0046 от 25.06.2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
2. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М. : «Круг», 2006. – 768 с.
3. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне / Левада-Центр : Аналитический центр Юрия Левады. – Электрон. текстовые дан. – М. : Левада-Центр, 2010. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010040102.html>. – Загл. с экрана.
4. Леонтьев, А. Н. Логическая и механическая память / А. Н. Леонтьев // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М. : ЧеРо, 1998. – 656 с. – (Сер. «Хрестоматия по психологии»).
5. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33–45.
6. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–16.
7. Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Т. А. Шалюгина ; Юж. федер. ун-т. – Электрон. текстовые дан. – Ростов н/Д, 2012. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=14707>, свободный. – Загл. с экрана.

HISTORICAL MEMORY ABOUT THE BATTLE OF STALINGRAD AS A FACTOR OF INTERETHNIC TOLERANCE

V.I. Mazhnikov

Currently, such an event as the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, which is an important part of the historical memory of our people, should be a major factor in shaping the relations of tolerance among peoples and nations. Objectivity and impartiality of emphasis in the interpretation of this historic event will contribute, in our view, the rational friendly coexistence of peoples. In a situation of manipulation of historical memory for political purposes will inevitably emerge alertness bias in international relations, which will inevitably lead to heighten ethnic tensions and conflicts.

Key words: historical memory, ethnic tolerance, tolerance, ethnic identity, the Battle of Stalingrad.